

А. М. Горький в воспоминаниях циркового артиста

В декабрьском номере журнала «Знамя» опубликованы воспоминания народного артиста РСФСР Валентина Ивановича Филатова, известного дрессировщика зверей. В этих записях приводится рассказ Филатова-отца о работе дореволюционного цирка, о знакомстве с Алексеем Максимовичем Горьким в 1903 году.

— На все голоса звенят колокола — пасха. В небе носятся стаи грачей. Грязь страшенная — по колено! — рассказывает со слов отца В. И. Филатов. — Но день яркий, солнечный... Много пьяных. Люди шляются от воздуха, от солнца, от обжорства: окончен пост! Это значит, что сегодня наконец разрешено открыть веселительные заведения.

У балагана раскупают билеты. Над кассой — афиша:

— Пантомима!

Впервые в Нижнем Новгороде!

«Атаман волжских разбойников Стенька Разин» (с разговором).

В балагане, кроме «Стеньки Разина», показывают наиболее «ходовые» пантомимы: «Сон фараона», «Суд царя Соломона», «Смерть Наполеона», «Мазепа» и другие. Главные мужские роли играют Филатов-отец и артист А. Н. Орлов, много скитавшийся на своем веку и познакомившийся во время этих скитаний с Максимом Горьким.

Когда труппа прибыла в Нижний, Орлов немедленно отправился на розыски своего друга. Оказалось, что писателя

выслали в Арзамас, но Орлов списался с ним, и на пасху Горький приехал в гости. Он с неподдельным удовольствием присутствовал на каждом представлении.

— Однажды, — продолжает свой рассказ В. И. Филатов, — сборы упали, публика не шла, и хозяин цирка решил прибегнуть к «последнему» средству.

На улицах города

появились афиши, извещающие, что в цирк «только на несколько дней прибыло чудо девятнадцатого века, глав-

ный вождь африканского племени людоедов с острова Тумбо-Юмбо, пойманный недавно в дебрях Африки. Дикий туземец по желанию уважаемой публики будет жрать в ее присутствии живых голубей, а потом съедать живого человека.»

Реклама возымела свое действие — любители сильных ощущений расхватывали билеты. В роли кровожадного «африканского людоеда» за повышенную плату согласился выступить Иван Филатов, но при условии, что живых голубей он есть не будет. Договорились, что ему будут подавать чучело с привязанным к нему мешочком клюквы.

«Вождя племени» обмазали смолой, обсыпали перьями. В нос и уши вставили кольца. «Людоед» был скован по рукам и ногам тяжелыми цепями, концы которых «с трудом» удер-

живали четверо униформистов. Директор цирка объяснял, сколько дикарь съел людей, и подавал ему голубя. Отец В. И. Филатова надкусывал мешочек с клюквой, клюквенный сок капал на пол, создавая эффект крови. Наконец объявлялось, что слабонервных просят удалиться, а желающих быть за живо съеденными — выйти на

арену.

Желающих, конечно, не находилось, но тем не менее сборы усиливались.

Алексей Максимович до слез посмеялся над этим, но потом возмутился:

— Надо же до такого унижения человека довести! — сказал он, имея в виду выступление И. Филатова в роли «людоеда». — Ставьте лучше ваши пантомимы. Они народ хорошему учат!

Тут Орлов попросил Алексея Максимовича написать что-нибудь и для их цирка.

— А не попробовать ли вам

поставить мою новую пьесу «На дне»? — предложил неожиданно Горький.

Пьесу, с согласия автора, скрастили, переделали, потом наяли специальную хоровую капеллу, включили в спектакль песни и пляски. Особенным успехом пользовалась широко известная песня «Солнце всходит и заходит». Ее повторяли по нескольку раз на бис.

Спектакль «На дне» в таком исполнении прошел в Саратове, Орехово-Зуеве, Алатыре, Пензе. Алексей Максимович неизменно приезжал в эти города и жил там по несколько дней у цирковых артистов.

Воспоминания В. И. Филатова вписывают в богатейшую биографию Максима Горького еще одну новую, интересную страницу. Особенно интересную для нас, горьковчан.

К. АРЧЕВСКИЙ.